

УДК 061.1:911(470+517.3)
DOI [10.17150/1993-3541.2015.25\(3\).556-563](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(3).556-563)

В. А. ВАСИЛЕНКО

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Ю. В. КУЗЬМИН

*Байкальский государственный университет
экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

КОНФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

Аннотация. Конфессиональная ситуация традиционно является важным фактором, оказывающим влияние на политический климат каждого государства или государственного образования. Урянхайский край (территория современной республики Тыва) на протяжении длительного времени являлся местом пересечения трех цивилизаций и культур — китайской, монгольской и русской. Наряду с проблемой политического соперничества в крае стран «центральноазиатского треугольника», представляет интерес вопрос о характере взаимоотношений как между представителями различных конфессий, так и внутри каждой из них. В настоящей статье приведен исторический обзор распространения буддизма и православия в Туве, анализируется историография по данной проблематике. Рассмотрены вопросы взаимодействия представителей указанных конфессий, старообрядцев и православных верующих. В статье используются архивные материалы, большинство из которых публикуются впервые.

Ключевые слова. Историография; источниковедение; история Тувы; политика; конфессиональная ситуация.

Информация о статье. Дата поступления 27 апреля 2015 г.; дата принятия к печати 12 мая 2015 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2015 г.

Финансирование. Проект РГНФ № 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика» (номер регистрации в ФГАНУ ЦИТиС 115041370110).

V. A. VASILENKO

*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation*

YU. V. KUZMIN

*Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

CONFESSIONAL AND POLITICAL SITUATION IN URYANKHAY KRAI (IN THE END OF THE 19TH — BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

Abstract. The confessional situation has traditionally been an important factor influencing the political climate of each state or state entity. The Uryankhay Krai (today is the territory of modern Tuva Republic) used to be at the crossroads of three civilizations and cultures — Chinese, Mongolian and Russian - for a long time. Along with the problem of political rivalry between the «Asian triangle» countries in the region, the issues of the nature of relationships between different religions and within them raise the authors' interest. In this paper the authors present a historical overview of Buddhism and Orthodoxy in Tuva and analyze the historiography of this problem. The issues of interactions between the representatives of the mentioned religions as well as Old and Orthodox Believers are considered. The article is written on the basis of the archival materials, most of which are published for the first time.

Keywords. Historiography; source studies; history of Tuva; politics; confessional situation.

Article info. Received April 27, 2015; accepted May 12, 2015; available online April 30, 2015.

Financing. The project of RHF No. 15-21-03007 «Conceptual issues of Russian-Mongolian relations in the first half of the 20th century: history, politics, economics» (TsITiS FGAN registration No. 115041370110).

V. A. VASILENKO, YU. V. KUZMIN

Во второй половине XIX в. на территории Тувы были распространены традиционные верования — природные культы (тотемизм, анимизм, промысловые культы, культы хозяев местности и т. д.), шаманизм и ламаизм.

Урянхайский край находился в вассальной зависимости от Цинской империи и входил в состав Халха-Монголии. Территориальная близость к России обусловили стремительный рост торгово-экономических контактов с приграничным русским населением [12, с. 21–25].

Колонизационное движение, развитие торговли, освоение месторождений полезных ископаемых в чужой метрополии, принадлежащей Китаю, стало причиной пристального интереса со стороны российской общественности, военных и дипломатических кругов к так называемому «урянхайскому вопросу». Обобщенно его сущность сводилась к политическим спорам на предмет территориальной принадлежности Тану-Урянхия России, либо Китаю, либо Монголии. Эти противоречия не могли повлиять существенным образом на нейтральный характер международных отношений и решались преимущественно на уровне дипломатической переписки. [3, с. 5; 11, с. 10; 12, с. 21–24].

Пересечение интересов указанных держав подразумевает их соперничество не только за политическое, но и духовное доминирование в Тану-Урянхия. Для того, чтобы оценить степень влияния «религиозного» фактора на политику, проводимую в крае сопредельными странами, представляется необходимым проанализировать конфессионально-политическую ситуацию, сложившуюся в регионе в рассматриваемый период, оценить характер сложившихся противоречий как внутри религиозных сообществ, так и во взаимодействии между ними.

Ламаизм получил повсеместное распространение в Туве в XVI в. и обрел популярность главным образом в среде знати. Первоначально новая религия воспринималась родоплеменными группами, территориально граничащими с Халха-Монголией, т. е. в современных Эрзинском и Тес-Хемском районах. В пределах этих районов в 1772–1775 гг. были воздвигнуты Кыргызский, Оюннарский и Самагалтаский хурээ. В период 1809–1815 гг. на территории Тану-Урянхия были выстроены еще три хурээ — Бай-Кара, Чахольский и Тоджинский. Самый крупный — Тоджинский, был построен в конце XIX в. В 1907 г. по инициативе кемчикского нойона Хайдуба началось строительство Верхнечаданского хурээ. Вскоре он стал престижным образовательным

центром, в котором изучались традиционные в рамках школы Гелугпа дисциплины: буддийская философия, медицина, монгольский и тибетский языки. Всего к началу XX в. в Туве насчитывалось 22 религиозных центра и около 4 тыс. лам [13, с. 82–84]. Все ламаистские монастыри подчинялись монгольской церкви. Во главе ее стоял Ургинский хутухта. Таким образом, юридически входя в состав Цинской империи, тувинское население, которое придерживалось ламаистской веры, состояло в духовной зависимости от Халхи.

По справедливому замечанию В. М. Монгуш, одной из причин успешного распространения и последующего укрепления ламаизма в Урянхия стала специфика политики, проводимой в крае маньчжурами. Так, в контексте «политики ненапрянутой узды», руководствуясь основным принципом «управлять соседними народами согласно их обычаям», цинское правительство не запрещало существование наряду с ламаизмом родоплеменных культов и шаманизма [13, с. 82].

Следует отметить также, что ламаизм не противоречил интересам основных социальных слоев. Например, бедные араты имели возможность обучиться в монастырской школе грамоте. К тому же ламаизм, отвергая социальные барьеры, призывал всех к равенству, терпимости и состраданию, являлся стабилизирующим фактором в условиях социальной дифференциации (как известно, имущественное неравенство в Туве было огромным. — В. В., Ю. К.). По мнению В. П. Дьяконовой, ламаизм получил широкое распространение благодаря простоте исполнения обрядов. Именно поэтому тувинцами была воспринята, по мнению исследователя, обрядовая сторона религии, но не ее философская и логическая сущность [4, с. 150–179]. Население в целом не было знакомо с канонической литературой, Ганджур и Данджур был известен только образованным ламам, в основном у обывателей была неканоническая литература (судур или нам-судур). О простоте обрядовой практики, распространенной среди тувинцев, свидетельствует тот факт, что путь к очищению от грехов состоял в перебирании четок или поворачивании стоящего у входа в храм хурды — колеса вероучения, что считалось равносильным прочтению молитв. Исследователь отмечает, что «более других из догматических и нравственных сущностей ламаизма нашли путь к сердцам верующих рядовых тувинцев понятие о «добром друге» — духовном наставнике в лице ламы» [Там же, с. 164]. Действительно, вера в «доброе друга» была настолько велика, что ее не мог

HISTORICAL DEVELOPMENT

подорвать порочный образ жизни служителей буддийской церкви. Так, к началу XX в. больше половины общего числа лам были женаты и со своими семьями жили в Туве, многие из них занимались поборами с населения, пьянствовали, причем это практиковалось среди высших кругов Сангхи (в буддизме — своего рода иерархической лестницы. — В. В., Ю. К.). Например, по сообщению российского консула в Улясутае М. Ф. Люба, восьмой Богдо-Геген был склонен «к разгулу и безумному мотовству: ...у русских купцов он покупает целые склады вещей, решительно никому не нужных, имеет жену, от которой родился сын Тойн-лама, частенько выпивает и устраивает оргии»¹. Однако, несмотря на все пороки, Богдо-Геген был способным политическим деятелем, его власть носила не только духовный, но и светский характер. Авторитет Гегена сохранялся по причине традиционного почтительного отношения к власти, присущего всем азиатским народам, в том числе и тувинцам. Ряд исследователей (М. И. Боголепов, М. Н. Соболев, Ф. Я. Кон и др.) отмечали, что тувинцы проявляют самостоятельность только в узком кругу своих личных дел, а в отношении с властями робки и боязливы [2, с. 39; 8, с. 65; 9, с. 24–72]. На первоначальном этапе распространение ламаизма в Туве встречало сопротивление со стороны шаманов. По свидетельству некоторых этнографов, борьба шаманов с ламами приобретала особо острые формы в южных районах Тувы [6, с. 264].

О борьбе шаманизма с ламаизмом свидетельствуют также старые сойотские предания. Так, проповедником нового учения был монгол лама Шаретты, а защитником старого — шаман Тунгустей и его мать. Тунгустей пал жертвой этой борьбы. Могущественный Шаретты-лама силой своих молитв обрушил на него утес Ха-ерхан (гору на берегу Енисея). Мать Тунгустея отомстила утесу. Предупредив заранее окрестных жителей об опасности, она накликала на утес грозу. Когда разбушевавшаяся стихия утихла, часть утеса побелела [13, с. 59]. Неприязнь лам к шаманам выражалась тем, что они разрезали ножом шаманский бубен и сжигали его на огне [4, с. 176].

Борьба шаманов с ламами вошла отдельным пунктом в официальное законодательство Монголии и предусматривала меры их уголовного преследования. Вместе с тем, она существовала только на начальном этапе повсеместного

распространения ламаизма — до начала XVIII в., впоследствии формы борьбы приобрели мягкую форму взаимодействия. «Со временем борьба между двумя верованиями смягчилась и приняла совершенно другой характер. Ближе познакомившись с бытом сойотов, ламы прибегали к своеобразному методу: сохраняя форму, они наполняли ее своим содержанием. Ламы не боялись отступлений от своего вероучения, зачастую спокойно уживались с представителями шаманских культов. У берегов рек, у переправ, по дорогам, где ранее в сооруженных «ова» проводились шаманские камлания, ламы помещали буддийских бурханов и делали им жертвоприношения по своему обряду. Прежние «эзери» — идольчики, играющие роль амулетов, стали заменяться буддийскими идолами. В общественных молениях «сумо-тагыр», где раньше главную роль играли шаманы, впоследствии заняли место ламы. Даже у постели больного, где ранее властвовали шаманы... их стали вытеснять ламы» [13, с. 59]. Одним из наиболее удивительных случаев отступления от ортодоксального ламаизма в Туве является факт подготовки в хурээ служителей культа, которые назывались бурхан-боо [6, с. 169].

В культовой деятельности бурхана-боо тесно соединились как ламаистская (частично костюм, учение текстов и культовой литературы), так и шаманская практика (камлание у шаманских деревьев и др.). О большой терпимости представителей тех или иных конфессий свидетельствует тот факт, что некоторые из лам были женаты на шаманках [4, с. 150]. Переход борьбы ламаизма и шаманизма в формы мягкого взаимодействия и взаимодополнения, очевидно, объясняется спецификой восприятия тувинцами нового религиозного учения, на что указывают исследователи. Так, М. И. Боголепов сообщает, что «религия сойотов представляет смесь ламаизма с шаманизмом» [2, с. 40].

Следовательно, можно говорить о трансформации буддизма в Туве в «народную религию»².

Таким образом, если проникновение в Туву ламаизма относится к началу XVII в., то его утверждение в качестве официальной религии произошло несколько позже, к XIX в. она уже

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 135. Л. 169.

² Термин «народная религия» был впервые введен известным буддологом О. О. Розенбергом. Он характеризует одно и то же явление, присущее любой мировой религии — возникновение внутри нее специфической формы, основанной на сплаве официальной догматики и культа с народными верованиями, которая становится религией внутри народных масс.

V. A. VASILENKO, YU. V. KUZMIN

повсеместно укрепились среди различных родоплеменных и территориальных групп тувинцев. Успешному становлению буддизма способствовали политические и социально-экономические условия, сложившиеся к этому времени в крае. На начальном этапе проникновения буддизма в Туву велась борьба между представителями укоренившейся религии — шаманизма и новой, еще не укоренившейся — буддизма. Однако очевиден тот факт, что со временем эти две конфессии не только перестали конфликтовать, но мирно сосуществовали и даже дополняли друг друга. Это объясняется спецификой буддийского учения и, очевидно, менталитетом тувинцев, а также особенностями восприятия новой религии.

Что касается христианства, то свое распространение оно получило во второй половине XIX в., с началом освоения края русскими. С этого времени в Туве распространилось православие, появилось объединение евангельских христиан-баптистов и община старообрядцев-беспоповцев.

Необходимо отметить, что процесс развития института православия в крае был сопряжен с рядом трудностей, среди которых следует выделить взаимоотношения православных миссионеров с общиной старообрядцев-раскольников, а также условия, в которых развивалась православная миссионерская деятельность в регионе.

Крестьяне-старообрядцы стали первыми русскими поселенцами в Урянхайском крае. Их духовным лидером был крестьянин Нижегородской губернии Иван Афанасьевич Липин; по другой версии — Фома Егоров, беглый солдат, выдававший себя за монаха киргизского старообрядческого монастыря. По замечанию Ф. Я. Кона, «...усинские переселенцы принадлежали секте бегунов, этому типичному для старогородского крестьянства течению...с 20-х гг. XIX в. бегунство получает новую силу и широко распространяется» [8, с. 23]. Контингент старообрядцев был представлен течениями различного толка — поповцами, беспоповцами, беглопоповцами и др. По замечанию М. П. Татаринцевой, в среде раскольников немногочисленные течения со временем исчезали либо в результате умирания членов общин, либо в результате объединения — так, например, для проведения богослужений беглопоповцы привлекали служителей из числа беспоповцев, «перекрещивая их вторым чином через помазание»; со временем беглопоповское течение слилось с беспоповским [18, с. 32]. По свидетельству Н. Путилова, к 1876 г. среди 776 жителей двух деревень было

лишь 14 православных [15, с. 295]. Большинство староверов занималось освоением земельных участков, получая на это разрешение у заведующего устройством русского населения в Урянхайском крае, а также договариваясь с тувинскими чиновниками, преподнося им подарки и угощения. Некоторые известные в Тану-Туве и Енисейской губернии староверы нажили свой капитал путем торговли, со временем обретя авторитет и уважение как со стороны однопоселенцев, так и со стороны российской и местной администрации. Так, купцы Вавилин и Медведевы занимались в Туве скупкой козлиных шкур и вывозили их в Томск в виде мехов [16, с. 34].

Говоря о взаимоотношениях старообрядцев с православными миссионерами, необходимо отметить, что противоречия внутри христианской конфессии были обусловлены не только различием взглядов на церковную догматику, но и трудностями, которые возникали в процессе освоения края. К их числу относятся споры о земле, вопросы законности занимаемых территорий и др. Показательным в этом смысле является противостояние миссионера Енисейской епархии Н. Путилова и старообрядцев. Свою деятельность в Усинском крае, расположенного в пределах Тувы, Н. Путилов начал в 1976 г. Текст дневника Усинской миссии периодически публиковали на страницах «Енисейских епархиальных ведомостей», «Сибири», журнале «Сибирский архив». Положительная оценка миссионеру Н. Путилову была дана архимандритом Алексием (Костриковым) [10]. Однако нельзя оставить незамеченным тот факт, что после появления Путилова на р. Ус, отношения между православными и старообрядцами обострились, причиной этому стала инициатива миссионера, связанная с перепродажей старообрядцам земли у р. Ид-жим, а в долине р. Ус — месте, где старообрядцы изначально основали свою общину, он размещал православных поселенцев. По словам А. Адрианова, «переселение этих (старообрядческих. — В. В., Ю. К.) семей «было карой Божьей, посланной, как они говорили, за грехи; они разорились совершенно» [1, с. 3]. Следствием переселения старообрядцев стало ухудшение отношений между двумя общинами [17, с. 4]. Попытка нормализации обстановки в усинских деревнях была предпринята Красноярским епископом Исаакием в 1884 г. Он посетил молитвенные и жилые дома старообрядцев, освятил церковь Николая Чудотворца в с. Верхне-Усинском, при освящении присутствовало несколько старообрядцев и тувинцев. Показательно, что первые не

HISTORICAL DEVELOPMENT

шли на контакт с представителями православия: «...по окончании литургии приглашение «откушать по рюмке вина» было принято только тремя старообрядцами, остальные «мирщиться» не пожелали» [5, с. 4]. Один из старообрядцев при посещении епископом Исаакием его дома «...во избежание осквернения икон молитвой преосвященного...вынес в холодный чулан все иконы, стоящие в доме» [5]. В одном из разговоров с представителями православной церкви Исаакий отметил, что «представителя Усинской миссии нужно послать «поумнее» и, что настоящему представителю миссии, при начитанности одних и фанатизме других старообрядцев, борьба с расколом не по силам». После отъезда преосвященника из с. Верхнеусинского, Н. Путилов был снят с должности миссионера [5].

Развитие православной миссионерской деятельности в Туве было сопряжено с трудностями, связанными с изменением политической обстановки в крае. Так, например, происходило после объявления независимости Монголии в 1911 г. и изгнания китайцев с территории Урянхайского края. В этот период российское правительство как на местном, так и на региональном уровнях, осознавало необходимость развития института православия в крае в связи с упрочением здесь позиций России, однако опасалось ввиду возможных столкновений с Китаем и Монголией ускорить этот процесс. Так, усинский пограничный начальник А. Х. Чакиров в письме иркутскому генерал-губернатору отмечал, что «нужда в иерее для всего Урянхия действительно чувствительная», однако добавлял, что «ввиду последних событий в Урянхее, изъявления урянхами перехода в подданство России, при сохранении ими своей религии, открытие миссионерской деятельности...преждевременно и не политично, а главное, противоречит высочайшему объявлению 1900 г. о не командировании в Маньчжурию и Монголию православных миссионеров»¹. Помимо сложного политического климата, существовали трудности организационного характера, к примеру, вопрос о выборе священнослужителя, который должен был осуществлять миссионерскую деятельность. Усинским пограничным управлением были направлены запросы в Енисейскую и Иркутскую епархии о назначении священника в Турано-Уюкский приход. Священнослужитель должен был соответствовать следующим требованиям: «Иерей, хотя бы со средним духовным образованием...,

безупречного поведения..., знакомый с разными старообрядческими толками и новой сектой, вполне справится со своей обязанностью и принесет церкви Христовой еще большую пользу, обратив в нее отставших от нее, не трогая пока свободных сынов неба — кочевников урянхов»². Проблема выбора миссионера, настоятеля храма заключалась в том, что построенный храм в с. Туран надлежало, по мнению Иркутского архиепископа, рассматривать «как миссионерский, не находящийся в пределах ни моей, ни другой Епархии и поэтому назначение миссионера может последовать с благословения Святейшего Синода»³. Таким образом, данные обращения к епископу Иркутскому и епископу Енисейскому остались без удовлетворения.

Тем не менее, несмотря на ряд неблагоприятных факторов, в начале XX в. деятельность Православной церкви в Усинском округе и Урянхайском крае поступательно развивалась. В этот период на территории Усинско-Урянхайского края имелся православный приход с центром в Верхне-Усинске. До 1911 г. в крае не было церквей, имелись лишь два молитвенных дома — в Верхне-Усинске, открытый вместо сгоревшей церкви, и в Туране. Усинский приход, входивший в состав IV благочиния Минусинского уезда, возглавлялся священником Стефаном Суховским. Строительство Православной церкви в с. Туран в честь Святителя Иннокентия было завершено 9 сентября 1911 г., там же была построена русская школа. Согласно словам русских колонистов, приведенных в «Приговоре Туранско-Иннокентьевского Церковно-приходского схода» от 22 февраля 1912 г., «построенный храм является миссионерским...при этом чрезвычайно важно при этом храме иметь причт миссионерский,... чтобы, пока обстановка благоприятная, принять меры к укреплению в этом крае христианской религии, вместо слабоувоенной и еще не укрепленной среди кочевников-ламаитов религии» [17, с. 165].

В середине 1913 г. был создан миссионерский округ, основная задача которого заключалась в том, чтобы обратить души «иностранцев» «от мрака неведения к свету богопознания и глубокой веры во Христа»⁴.

С целью развития миссионерской деятельности в регионе церковный причт изучал тувинский язык. Проводилась работа по ознакомлению тувинцев с православной культурой, издавалась

1 ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 135. Л. 169.

2 Там же. Ф. 25. Канцелярия. Оп. 11. Д. 26. Л. 1.

3 Там же. Д. 33. Л. 9.

4 Там же. Д. 26. Л. 1.

V. A. VASILENKO, YU. V. KUZMIN

церковная литература на «иностранном» наречии [18, с. 16].

В целом, отношения между православными священниками и тувинцами (как чиновниками, так и рядовым населением, ламами.) носили ровный, доброжелательный характер: «...во время разъездов сойоты с любопытством встречают «орус лама» (русского священника) и приветствуют его обычным «миндэ», или более почтительным «амор» (здравствуйте)... С любопытством сойот наблюдает за православным богослужением, причем обнаруживает серьезность и никогда не обнаруживает насмешки и легкомыслия». Применительно к тувинцам православная миссионерская деятельность развивалась медленно. Точных цифр о количестве местного населения, обращенных в христианство, найти не удалось, однако священник Турано-Уюкского прихода Юневич в 1914 г. сообщает об единичных случаях приобщения урянхов к православию [19, с. 16]. Слабое развитие миссионерской деятельности в регионе объяснялось трудностями, связанными с освоением края. В силу политической обстановки, идея распространения православия не находила должной поддержки на всех уровнях государственного управления.

Конфессионально-политическую ситуацию, сложившуюся в Туве в рассматриваемый период, характеризует ряд особенностей. Так, наряду с официальной религией — ламаизмом, существовали древние религиозные верования и шаманизм, нередко переплетаясь между собой. Отношения между ламами и шаманами имели характер борьбы только на первоначальном этапе проникновения буддизма в Туву, т. е. в период конца XVI–начала XVIII вв., к середине XVIII в. они постепенно нивелировались, а к началу XIX приняли форму мягкого взаимодействия. Это произошло вследствие восприятия тувинцами обрядовой стороны учения, а не его философской сущности. В силу особенностей

менталитета тувинцев, буддизм, коррелируя с культом шаманизма, постепенно трансформировался в «народную религию». Существование подобного «культового симбиоза» было возможно в контексте «политики ненатянутой узды», проводимой Цинами, одним из главных принципов которой был «управлять народами, согласно их обычаям». Факты, говорящие о столкновениях местного населения с представителями религиозных христианских общин — православными и старообрядцами, выявлены не были.

Конфликты, происходящие внутри христианской конфессии, возникали не только по причине принципиальных различий в религиозном культе, но и в результате споров, возникающих в процессе освоения новых территорий. Столкновений между православными и ламаистами не случались по причине веротерпимости, свойственной обеим религиям.

На мирный характер взаимоотношений христиан и представителей ламаистской веры отчасти повлияла общая политика, проводимая российским руководством в отношении русской колонизации в Туве и, в основном, индифферентное отношение местной администрации к факту занятия региона русскими. Кроме того, в процессе торгово-экономического взаимодействия отношения русских и тувинцев носили также ровный характер. Что касается развития института православия в Урянхайском крае, то в силу политической обстановки в изучаемый период оно не получило своего распространения. Идея распространения православия не находила должной поддержки на всех уровнях государственного управления. Буддизм же, напротив, поддерживался правящими кругами Цинской империи, однако кризис империи препятствовал завершению оформления буддийских церковных институтов в единую региональную и национальную структуру.

Список использованной литературы

1. Адрианов А. Раскольничьи общины в Сибири / А. Адрианов // Восточное обозрение. — 1882. — № 38. — С. 2–3.
2. Боголепов М. И. Очерки русско-монгольской торговли / М. И. Боголепов, М. Н. Соболев. — Томск, 1911. — 498 с.
3. Василенко В. А. Проблема Урянхайского края в политике России, Китая, Монголии (вторая половина XIX в. — 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук / В. А. Василенко. — Иркутск, 2006. — 297 с.
4. Дьяконова В. П. Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев / В. П. Дьяконова // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. — Л.: Наука, 1979. — С. 150–179.
5. Завохонец. Поездка на Ус преосвященного Исаакия / Завохонец // Сибирская газета. — 1884. — № 16. — С. 2–3.
6. История Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. — М.: Наука, 1964. — Т. 1. — 410 с.
7. Каррутерс Д. Неведомая Монголия / Д. Каррутерс. — СПб.: Изд. переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия, 1914. — Т. 1: Урянхайский край. — 340 с.
8. Кон Ф. Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю / Ф. Я. Кон // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. — 1903. — Т. XXXIV, № 1. — С. 19–69.

HISTORICAL DEVELOPMENT

9. Кон Ф. Я. За 50 лет (Экспедиция в Сойотию) / Ф. Я. Кон. — Л. : Изд-во политкаторжан, 1934. — 167 с.
10. Костриков А. (Архимандрит Алексий). Начало становления православия в Туве / А. Костриков // Миссионерское Обозрение — 2000. — № 4. — URL: www.portal-missia.ru/node/348.
11. Кузьмин Ю. В. Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений : учеб. пособие / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2000. — 66 с.
12. Кузьмин Ю. В. Вопросы российско-монгольских отношений в начале XX века (1900–1921): экономика, дипломатия, культура / Ю. В. Кузьмин, А. П. Суходолов // Mongolica-XII. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. — С. 20–25.
13. Монгуш М. В. История буддизма в Туве / М. В. Монгуш. — Новосибирск : Наука, 2000. — 200 с.
14. Пуговкин И. Несколько слов по поводу возражения миссионера О. Путилова / И. Пуговкин // Сибирская газета. — 1883. — № 17. — С. 3–4.
15. Путилов Н. Летопись Усинской миссии, находящейся на р. Усу, Енисейской губернии Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы. Продолжение деятельности миссионера / Н. Путилов // Сибирский архив. — 1915. — № 7. — С. 295–307.
16. Родевич В. И. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна р. Енисей) / В. И. Родевич. — СПб. : Упр. внутр. водных путей и шоссейных дорог (по отд. Водных сообщений), 1910. — 204 с.
17. Сучков Ю. В. Материалы Туранской церкви как исторический источник / Ю. В. Сучков // Проблемы истории Тувы. — Кызыл : Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории, 1984. — С. 163–174.
18. Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве : ист.-этногр. очерк / М. П. Татаринцева. — Новосибирск : Наука, 2006. — 216 с.
19. Юневич В. Православная церковь в Урянхайском крае / В. Юневич // Енисейские епархиальные ведомости. — 1915. — № 10. — С. 16–22.

References

1. Adrianov A. Schismatic communities in Siberia. *Vostochnoe obozrenie = The Eastern Review*, 1882, no. 38, pp. 2–3. (In Russian).
2. Bogolepov M. I., Sobolev M. N. *Ocherky russko-mongolskoy trgovly [The sketches of Russian-Mongolian trade]*. Tomsk, 1911, 498 p.
3. Vasilenko V. A. *Problema Uryankhaiskogo kraya v politike Rossii, Kitaya, Mongolii (vtoraya polovina XIX v. — 1914 g.). Kand. Diss. [The problem of Uryankhay Krai in policies of Russia, China and Mongolia (the 2^d half of the 19th century — 1914). Cand. Diss.]*. Irkutsk, 2006, 297 p.
4. D'yakonova V. P. Lamaism and its influence on the outlook and religious cults of the Tuvians. *Hristianstvo i lamaizm u korennoy naseleniya Sibiri [Christianity and lamaism at indigenous population of Siberia]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 150–179. (In Russian).
5. Zavokhonets. A trip to Us of the Right Reverend Isaac. *Sibirskaya gazeta = Siberian newspaper*, 1884, no. 16, pp. 2–3. (In Russian).
6. Potapov L. P. (ed.). *Istoriya Tuvy [The History of Tuva]*. Moscow, Nauka Publ, 1964. Vol. 1. 410 p.
7. Karruters D. *Nevedomaya Mongoliya [Unknown Mongolia]*. Saint Petersburg, The Resettlement Office of the Chief Office of Land Organization and Agriculture Publ., 1914. Vol. 1. 340 p.
8. Kon F. Ya. A preliminary report on the expedition to Uryankhay Lands. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of the Eastern-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*, 1903, vol. 34, no. 1, pp. 19–69. (In Russian).
9. Kon F. Ya. *Za 50 let (Ekspeditsiya v Soiotiyu) [Over 50 years (Expedition to Soyots)]*. Leningrad, Political Prisoners Publ., 1934. 167 p.
10. Kostrikov A. (Arkhimandrit Aleksii). The outset of orthodoxy formation in Tuva. *Missionerskoe Obozrenie = Missionary's Review*, 2000, no. 4. Available at: www.portal-missia.ru/node/348. (In Russian).
11. Kuz'min Yu. V. *Uryankhai v sisteme russko-mongolo-kitaiskikh otnoshenii heny [Uriankghai in Russian-Mongolian-Chinese relations]*. Irkutsk State University Publ., 2000. 66 p.
12. Kuz'min Yu. V., Sukhodolov A. P. Questions of Russian-Mongolian relations in the beginning of the 20th century (1900–1921): economics, diplomacy, culture. *Mongolica-XII*, Saint Petersburg, Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 20–25. (In Russian).
13. Mongush M. *Istoriya buddizma v Tuve [The History of Buddhism in Tuva]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 200 p.
14. Pugovkin I. A few words on missionary Putilov's objections. *Sibirskaya gazeta = Siberian newspaper*, 1883, no. 17, pp. 3–4. (In Russian).
15. Putilov N. The Chronicle of Usinskaya Mission located on Usu River of Yenisei Province of Minusinsk District of Shushenskaya Volost, near the Chinese border. The missionary's activities continuation. *Sibirskii arkhiv = Siberian archive*, 1915, no. 7, pp. 295–307. (In Russian).
16. Rodevich V. I. *Ocherk uryankhaiskogo kraya (Mongol'skogo basseina r. Enisei) [The Uryankhay Krai Review (the Mongolian basin of Yenisei River)]*. Saint Petersburg, Department of Inland Waterways and Roads (in the Department of Water Transportation) Publ., 1910. 204 p.
17. Suchkov Yu. V. The Turan Church materials as a historical source. *Problemy istorii Tuvy [Problems of the history of Tuva]*. Kyzyl, Tuvan research Institute of language and literature Publ., 1984, pp. 163–174. (In Russian).

V. A. VASILENKO, YU. V. KUZMIN

18. *Tatarintseva M. P. Staroobryadtsy v Tuve: istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Old Believers in Tuva: ethnographic and historical sketch]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 216 p.

19. Yunevich V. The Orthodox Church in Uryankhay Krai. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti = Yenisei Eparchial News*, 1915, no. 10, pp. 16–22. (In Russian).

Информация об авторах

Василенко Виктория Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра прикладной информатики и документоведения, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru.

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Василенко В. А. Конфессионально-политическая ситуация в Урянхайском крае (конец XIX — начало XX веков) / В. А. Василенко, Ю. В. Кузьмин // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. — 2015. — Т. 25, № 3. — С. 556–563. — DOI : [10.17150/1993-3541.2015.25\(3\).556-563](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(3).556-563).

Authors

Viktoria A. Vasilenko — PhD in History, Associate Professor, Department of Applied Informatics and Records Management, Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru.

Yuri V. Kuzmin — Doctor habil. (Historical Sciences), Professor, Department of World Economy and International Business, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

Reference to article

Vasilenko V. A., Kuzmin Yu. V. Confessional and political situation in Uryankhay Krai (in the end of the 19th — beginning of the 20th century). *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2015, vol. 25, no. 3, pp. 556–563. DOI: [10.17150/1993-3541.2015.25\(3\).556-563](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(3).556-563). (In Russian).